

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАШИРА

А город мой сиренями обласкан

В каширское ЛИТО «Зодиак» входят люди разных возрастов, профессий и, разумеется, жизненного опыта. Скажем, Кирилл Емелин и Андрей Тернов – программисты, Юрий Баютов и Анатолий Щавелин-Елисеев – профессиональные художники, Александр Пирязев – ветеран «афганец», Юрий Воронин – медик. Руководит объединением Татьяна Каминная – поэт и фотохудожник, лауреат конкурса «Семейный альбом» (РТВ-Подмосковье, 2008) и IV историко-музыкального фестиваля «Жемчужина России» (2009). Всех объединяет преданность поэзии. Сказано это не для проформы – надо понимать организационные трудности работы подмосковных ЛИТО. Не все члены «Зодиака» живут в самой Кашире. Например, Виктор Ивашков живёт в деревне Домнинки, а Сергей Астанин – в селе Леонтьево Ступинского района (до Каширы ему добираться удобнее, чем до своего райцентра, где тоже действует литобъединение).

Степан ВАСИН

Четыре сотни лет родной Кашире
Дарил собор Успенский благодать.
От Богородицы про слёзы в этом мире
Не мог Христос молитву не принять.
Собор Успенью Матери построив,
Кресты подняв над речкой голубой,
Не знали, что разрушат, опозорив,
Не верили... Христос всегда с тобой!
Наступит ли
за варварство прощенье?
Здесь каждый от проклятия устал.
С молитвы начинается спасенье.
Молитесь начали –
храм из руин восстал!

Юрий БАЮТОВ

Отцветает таволга,
Иван-чай расцвёл...
Ты ушёл не надолго –
Навсегда ушёл!
Выйди за околицу,
Вдоль неё пройду –
Где трава приклонится,
Пропочку найду.
Прогуляюсь тропочкой,
Ветку прикусив...
Вспомню с милым ноченьку –
Ласков был, красив!
Встанут травы смятые,
Будут цвести дружим...
Пусть любовь проклятая
Снится молодым.

Юрий ВОРОНИН

Извины улочки моей
Не изменяются с годами...
Я пачаном ходил по ней,
По милой улочке моей,
Мне клёны здесь кивают головами.
А сколько пышных свадёб,
тихих похорон
По ней проехало...
промчалось, прошагало...
Она, как честное зеркало,
Как связь нетленная времён.
Теперь моих морщин
извины повторяет.
Ей мой поклон.

Виктор ИВАШКОВ

Я не математик. Я не верю сходу
В степени свободы,
в целостность химер.
Лишь однажды в топях
сам отыщешь броды
И откроешь тайны
недоступных сфер!
Я не верю в милость
бархатных сезонов.
Мы с тобой встречались
в жуток декабре,
Жарко целовались
на вершинах склонов,
А навек расстались летом на заре.

Светлана ГОРДИЕНКО

Нам с тобой поссориться –
Что воды натпиться.
Кто-то Богу молится,
Нам бы – побраниться.
В этих мелких ссорах
Мы с тобой прозябли,
Убежать бы в горы
И очистить грязь ту.
С высоты полёта
Друг на друга глянем,
В горные высоты
Мы любовь поманим.
Суету мирскую
На земле оставим,
А в горах, воркуя,
Голубками станем.

Кирилл ЕМЕЛИН

Всё быстрее кружится
жизни карусель.
Вьюга завывает, и зудит метель.
Жизни улетают, словно птички, к году.
Я уже не нужен ни врагу, ни другу.

Хочется написать золотой росой.
Хочется умыть алою зарёю,
Пролететь по небу утренней звездой
И вернуться вовремя
к завтраку домой.

Поклониться солнцу,
обогнать рассвет.
Подарить любимой полевой букет.
А потом растаять в суете дневной.
И мечтать о лете зимнею порой.

Когда придет Мефистофель
Ко мне в карете золотой,
Я вдруг увижу дивный профиль
И вновь услышу голос твой.
Мы усомнились с ним не в силах
В твоей девичьей чистоте,
В сердцах бесчувственных и стылых
Жива потребность в красоте.
И Мефистофель, гордый нравом,
В груди почувствует тоску.
Пот потечёт садовым варом
По раскалённому виску.
А ты, смущённая немного,
Сожмнув ресницы, прячешь взгляд.
Но каждому своя дорога,
Я был короткой встрече рад.

Евгений ЕФРЕМОВ

Не спеши захлопнуть дверь,
Оглянись сначала.
Не спеши – в себя поверь;
И не так бывало.

Где-то там, в родной дали,
Где дуга без края,
Наше прошлое стоит,
В гостях приглашая.

Вот обрыв – реки полёт,
Церковь над горою.
Кто-то манит и зовёт
Машинной рукою.

Не забыть глаза твои, –
Ты стоишь у дома,
Вновь поют нам саловый!
Всё до слёз знакомо.

Где-то там, в родной дали,
Где дуга без края,
Наше прошлое стоит,
В гостях приглашая.

Виктор ИВАШКОВ

Холодает, близится стужа.
Я дожид до осенних седин
И бреду по замёрзшим лужам
В неприкаянных чувствах, один.
Утонуло в забвении лето,
И в душе оседает печаль.
Всех друзей растерял я по свету.
И себя вот нежножечко жаль.
Ветви ниже берёза склонилась,
Налились соком кисти рябин.
Небеса оглашает уныло
Запоздало курлычащий клин.
Этим звукам над лесом, над речкой
Вторит эхо в опавшей листве.
И печальные мысли о вечном
Возникают в моей голове.
Засвербила на сердце тревога,
И кричу я в обиде на всех:
«Ты, зима, подожди хоть немного,
Не мети в мои волосы снег!»

Татьяна КАМИННАЯ

Музей
в Лодейном Поле
В душиных залах музея
В городке у реки
Экзурсанты глазели
На горшков черетки.
Век за веком степенно
Время нехотя шло.
У витрины военной
Сердце больно прожгло.
На дощатом обложке –
Карандашная нить:
Нам – далекий потомкам –
Завещание: «Жить!»
А в записке полевой –
Схема – план этих мест:
«Здесь могила комбата, –
во солдаты...» –

Наталья ЧЕКАНОВА

Над квадратиком крест.
И вспоминая этот вечер славный
И то, как отправлялся в поход,
Я выжигал гравюру «Ярославна»
И представлял, как мама меня ждёт.
Проюро выражение надежды
Лолю я снова в маминных глазах.
Гравюра на стене висит, как прежде,
Как память о несбывшихся мечтах.

Нестроино выводили голоса.
И вспоминая этот вечер славный
И то, как отправлялся в поход,
Я выжигал гравюру «Ярославна»
И представлял, как мама меня ждёт.
Проюро выражение надежды
Лолю я снова в маминных глазах.
Гравюра на стене висит, как прежде,
Как память о несбывшихся мечтах.

Возвращаются русские песни.
Я с надеждой и радостью жду,
Может, Русь, как и песни, воскреснет,
Пережив лихолетья беду.
И, напишешь воды родниковой,
В зеркалах отразится росы,
Мы забудем про вкус кока-колы,
Про «фанерные» песни «попсы».
Станет Русь и красивой, и статной,
Свой очистит духовный исток.
И тогда с уважением Запад
Снова будет смотреть на Восток.

Беда людей всех рас и наций,
Я объясню без лишнего слов,
Не в недостатке ассигнаций –
В переизбытке шулеров.

Осторожно, мой сын, осторожно!
Нам досталась святая стезя,
Но в морозном бараке острожно
Предают не враги, а друзья.

Осторожно, мой сын, осторожно!
Потерять нам дорогу нельзя.
В этой жизни, братной и безбозной,
Предают не враги, а друзья.

Осторожно, мой сын, осторожно!
Нам досталась святая стезя,
Но в морозном бараке острожно
Предают не враги, а друзья.

Не забывай!
Трудно понять, что дороги трудны,
В сторону часто бросаю.
Ты не один, мы не одни –
Помни же! Это спасает.

Как тяжело передать другим
То, что другие не знают.
Ты не один, мы не одни –
Помни же! Это спасает.

В жизни бывают чёрные дни,
Кажется, жизнь угасает.
Ты не один, мы не одни –
Помни же! Это спасает.

Ока
В Глазуновском истоке
Обретая берега,
С Запада до Востока
Радеет глаз Ока.

Собирая притоки,
Извиваясь слеза,
Не водою – жизненным соком
Нас питает Ока.

Не испортит бы только,
Чтоб не скрывать в веках
Это Божье Око
Под названием Ока!

Анатолий ЩАВЕЛИН-ЕЛИСЕЕВ

Колокола
Звонят, зовут, поют колокола
Над городом, над полем, над Окою,
И Божий мир так благостно спокоен –
То мирные звучат колокола.
А город мой на утренней заре
Возносится из лёгкого тумана,
И выплывает храмов панорама
И монастырь на той Фавор-горе.
Я словно слышу звон колоколов
Там, за рекой, где старая Кашира,
Мой Китеж-град –

он в неоглядной шири –
Зывает к нам из глубины веков.
Уж минули лихие времена,
И, слава Богу, нет пути обратно,
Когда над городом тревожно

и набатно
Скикалась рать на вражьи племена.
Гляжу на лес, на синий окоём,
И даль зовёт приветливо и властно.
А город мой сиренями обласкан
И ароматом яблок напоён.
Звонят, зовут, поют колокола
Над Родиной моей и над Окою.
С надеждою и верою святою
В грядущее зовут колокола.

Приглашение

Радость моя, в этом яростном мире,
Полном дерзаний, безумства и зла,
Ты побывай в нашей милой Кашире
И над Окой поброди допоздна.

Радость моя, в этом суетном мире
Призрачных благ
и тщеславных страстей
Ты поклонись храмам древней Каширы
И подивись свету монастырей.

Радость моя, в этом горестном мире
Есть тот далёкий,
но светлый причал –
Там наша юность осталась, в Кашире,
Там нашей жизни начало начал.

Радость моя, в этом солнечном мире,
Полном надежды, любви и добра,
Ты приезжай повидаться в Кашире,
Ведь расставаться подходит пора.

Родные места
Художнику Сергею Харламову

Чуть тронут лес раздумьем осени,
Здесь лемя бабьею покой,
И у судьбы совсем не просим мы
Другой страны, земли иной.
Нам нет роднее места отроду
С той родниковою водой,
Где мы с тобой, седые отроки,
В гостях ведь у земли родной.

Ревнуйте о дарах духовных

Средь суеты, наветов злобных
Стремись людям благо дать.
Ревнуйте о дарах духовных,
Да сизойдёт к вам благодать.
Когда же тьма так безысходна
И, кажется, просвета нет,
Ревнуйте о дарах духовных,
Да озарит вас горный свет.
Когда душа светла, свободна
И хочется весь мир обнять,
Ревнуйте о дарах духовных –
Вас не покинет благодать.

Сергей АСТАНИН

Жадность всюду летит ценник.
«Гибнут люди за металл».
Кто из нас не жаждет денег,
О богатстве не мечтал?

Любит деньги искуситель,
И тому две тысячи лет,
Подло предан был Спаситель
Неспроста под звон монет.

Но у крайнего предела,
Ивалотой не шурши,
Прочь из скарденного тела
Нищей выпорхнет душа.

Огнехвостым, вертящимся змеем
Отделилась ступень корабля,
И к премудрым экранам-дисплеям
Наклонилась старушка-Земля.

Не едва ли покажут экраны,
Что, пронзая межзвёздную ночь,
Нас относит на «шаттлах»-«буранах»
От Божественной истины прочь.

Не в упрек дерзновенным скитальцам
В бедный храм у пороки войдём
И вздохнём о сподвижниках-старцах,
И приреззится в храме пустом,

Как, трудясь
с вдохновенным упорством,
Окрыляя молитвой сердца,
На одном лишь сухарике чёрством
Долетали они до Творца...

НАСЛЕДИЕ

Часовня в Дунине

Попала я в музей М.М. Пришвина в Дунине под Звенигородом совершенно неожиданно, прямо на Рождество, 7 января. И день этот стал самым дорогим для меня в этот год подарком. Я ехала поздравить своих детей, которые снимали дачу неподалёку, и мы договорились встретиться у музея Пришвина. Было снежно и холодно. Вокруг ни души. Люди отдыхали после рождественской ночи. Звенящая тишина. Только снег под ногами хрустит. Музей был закрыт. Но тут подъехала ещё одна машина, из которой вышел мужчина и уверенно позвонил в звонок. Дверь скоро открылась, и на пороге показалась маленькая женщина. Подошли мои дети с внучками, и мы вошли в музей. Незнакомый мужчина был, видимо, завсегдатай здесь.

– Можно ли открыть храм? – спросил он.
Неподалёку находилась маленькая часовня, мы часто ходили мимо, но были уверены, что она не открывается.
– А можно, и мы с вами? – в свою очередь попросили и мы.
Женщина взяла проводить нас до часовенки, открыла её и радостно спросила двух моих внучек:
– За братиком пришли? Просите у Матери Божьей, она у нас чудотворная, с Афона. И привёз её вот этот человек, – она показала на мужчину.
Мы благодарно поприветствовали его, постояли у иконы, каждый со своей просьбой.
А потом все вместе вернулись в музей.

Я всегда удивляюсь музейным работникам, которые берегут память о людях, чья жизнь не прошла даром. Берегут трепетно и бескорыстно. В Дунине меня ждало не удивление – потрясение! Долгие годы без всякой финансовой поддержки после смерти хозяев дома – Михаила и Валерии Пришвинных – совершенно добровольно две женщины, Яна Зиновьевна Гришина и Лилия Александровна Рызанова, сделали всё возможное, чтобы сохранить для потомков память о человеке, который так талантливо и оригинально владел словом. Истинные хранители культуры, они открыли мне мир писателя, человека, каждая минута жизни которого была отдана слову.
Михаил Пришвин всегда ассоциировался у меня с «певцом природы», автором детских и охотничьих рассказов. В музее передо мной выросла личность необыкновенной духовной высоты, философ, публицист, поэт и... очень мужественный человек. Хотя цельным его назвать нельзя: личная и творческая раздвоенность открывается нам в его дневниках, которые он вёл всю жизнь. Сегодня опубликовано уже 6 томов (с 1914 по 1929 гг.), всего будет 32 тома. Невероятная работоспособность! Никому из близких он не показывал их. Говорил: «Мои тетрадки – моё оправдание».

Но вот что интересно: какие тяжёлые времена достались на долю писателя, а читаешь дневники – и не находишь озлобленности, гнева, осуждения, жалоб. Писатель, несмотря на трудности и потери, нехватку самого необходимого, никогда не терял надежды и нёс в себе ощущение радости бытия, и его слово странным образом передаёт эту радость своим читателям. Есть настоящие, хорошие писатели этой поры, но Пришвин уникален именно тем, что сумел донести до сегодняшнего времени своё слово о радости.

В дневниках он не страшится банальностей, общих мест, не думает об оригинальности размышлений, выводов и суждений. Рассказать об этом невозможно – надо читать. Удивительная по силе воздействия часть – «Мы с тобой. Дневник любви». Это завораживающая история любви 67-летнего писателя и 40-летней женщины, редактора его дневников, история, которая продолжалась 14 лет и стала вершиной возможных отношений мужчины и женщины. Эту любовь Пришвин ждал всю жизнь и был верен даже самому её ожиданию.

Неудивительно, что Дунино, где жили последние годы Валерия и Михаил Пришвинны, навсёгда пропитана этой любовью. И эта любовь не выветривается с годами. Прочитав дневники, вообще хочется возвращаться в Дунино, ходить по дому и окружающему саду, прислушиваться к голосам предметов, хранящих память о своих хозяевах. Думать, приглядываться, размышлять, пытаться разгадать магнетизм отношений, которым дышит и этот дом, и сама книга.
Наше Подмосковье – настоящее ожерелье великих имён, самоцветов земли русской, людей, верой и правдой служивших Слову и Отечеству. Архангельское, Абрамцево, Клин, Мураново... Чистейшим бриллиантом в этом ожерелье может считаться Дунино.

Р.С. Кстати, внук у меня родился ровно через год после посещения часовни в Дунино.

Зинаида МУШИНСКАЯ